

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. Ломоносова

На правах рукописи

Синика Виталий Степанович

Скифская археологическая культура III–II вв. до н. э.

**Северо–Западного Причерноморья
и актуальные проблемы истории скифов**

специальность 5.6.3 – Археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко

Научный консультант **Канторович Анатолий Робертович**
доктор исторических наук, заведующий кафедрой
археологии исторического факультета МГУ

Официальные оппоненты **Алексеев Андрей Юрьевич**
доктор исторических наук, заведующий Отделом
археологии Восточной Европы и Сибири
Государственного Эрмитажа

Лукьяшко Сергей Иванович
доктор исторических наук, главный научный
сотрудник лаборатории археологии
Южного научно-центра РАН

Медведев Александр Павлович
доктор исторических наук, заведующий кафедрой
археологии и истории древнего мира
Воронежского государственного университета

Защита состоится 28 февраля 2022 г. в 15 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета МГУ.07.03 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4 Шуваловский, ауд. 416.

E-mail: faculty@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27). Со сведениями о регистрации участия в защите в удаленном интерактивном режиме и с диссертацией в электронном виде также можно ознакомиться на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/412374254/>

Автореферат разослан « _____ » _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.А. Попова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Скифская культура является наиболее яркой археологической культурой Северного Причерноморья раннего железного века. За 150 лет раскопок скифских памятников, в основном, погребальных, их было изучено не менее пяти тысяч. Столь значительный фонд источников поставил перед исследователями многочисленные задачи по систематизации и обобщению накопленного материала.

Одним из первых трудов, в котором анализировалась вся совокупность известных скифских памятников, стала монография В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина 1983 г. В ней рассмотрены скифские памятники на Кавказе, в Северном Причерноморье, памятники кочевников и оседлого населения степной Скифии, а также памятники Правобережной и Левобережной Лесостепи. При этом финал скифской археологической культуры был отнесён к концу IV в. до н. э. (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 367).

Спустя восемь лет был опубликован фундаментальный труд В. С. Ольховского, где были выделены четыре локальных варианта скифской степной культуры (Днестро–Дунайский, Днепро–Бугский, Крымский и Нижнедонской), и четыре самостоятельные локальные зоны – Северостепная, Приольвийская, Присивашская и Приазовская. Все скифские памятники были разделены на две хронологические группы – VII–V вв. до н. э. и IV–III вв. до н. э., причём финал скифской археологической культуры был упомянут вскользь (Ольховский, 1991. С. 181).

Вышедшая из печати в 2003 г. монография А. Ю. Алексеева «Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э.» заслуживает особого внимания, поскольку в ней предпринята успешная попытка «отыскать место Европейской Скифии среди одновременно существовавших с ней цивилизаций и культур». Автором была предложена новая периодизация скифской археологической культуры, охватывающая немногим более 400

лет – от конца VIII в. до н. э. до рубежа IV–III вв. до н. э. Заключительный период (середина IV – рубеж IV–III вв. до н. э.) охарактеризован как «финал истории Великой Скифии; период внешних войн и конфликтов, появление на Северо–Западном Кавказе и в Нижнем Подонье новых групп кочевников (сирматов, сарматов, сираков?)». Исследователь отметил, что «конец существования Большой Скифии, наступивший внезапно на рубеже IV–III вв. до н. э. и охвативший широкую территорию степной и лесостепной зон, до сих пор остаётся во многом загадочным» (Алексеев, 2003. С. 252).

В 2014 г. вышла из печати монография С. В. Полина, в которой значительное место было отведено хронологии скифских погребальных памятников Северного Причерноморья. В завершении исследователь констатировал: «К концу IV в. до н. э. Великая Причерноморская Скифия прекратила свое существование ... Небольшой очаг скифской культуры III–II вв. до н. э., связанный по происхождению со скифами–кочевниками Великой Скифии предшествующего периода, сохранился лишь в Нижнем Поднестровье... Его существование прекращается не позднее конца II – начала I вв. до н. э. Собственно на этом прекращается существование причерноморской Великой Скифии» (Полин, 2014. С. 641).

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что в настоящее время господствует представление о внезапном прекращении развития скифской культуры в степях Северного Причерноморья на рубеже IV–III вв. до н. э. или в самом начале III в. до н. э. С этого времени якобы почти полностью исчезают скифские погребальные памятники. Как отмечалось выше, только недавно С. В. Полин назвал скифские курганы Нижнего Поднестровья III–II вв. до н. э. последним «очагом» Великой Скифии.

Однако пять лет назад ситуация в корне изменилась. Во–первых, был опубликован самый представительный массив скифских погребальных памятников III–II вв. до н. э. – у с. Глиное на Нижнем Днестре. Во–вторых, были указаны некоторые синхронные скифские памятники в других регионах

Северного Причерноморья – в Подунавье, Побужье, Поднепровье, Крыму и Подонье. В–третьих, стало очевидно, что в Северо–Западном Причерноморье скифских памятников III–II вв. до н. э. «более чем достаточно» (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 982–996).

Таким образом, с учётом значительного прироста материала за последнюю четверть века, назрела необходимость обобщающего исследования всех памятников скифской археологической культуры III–II вв. до н. э., сосредоточенных в степной зоне между р. Прут и р. Южный Буг – в Северо–Западном Причерноморье. Между тем, до настоящего времени специально изучались только отдельные памятники, попытки же систематизировать всю их совокупность не предпринимались, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

В данной работе поставлена **цель** исследовать весь массив скифских памятников III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье – погребальные памятники и поминальные комплексы, памятники скифской оседлости и «клады».

С учетом вышесказанного, **задачи** работы были определены следующим образом:

выделить скифские памятники III–II вв. до н. э. из общего массива памятников скифской культуры региона;

проанализировать основные проблемы изучения скифской культуры III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье на фоне соответствующего культурно–хронологического горизонта и в контексте общей истории скифов;

проанализировать основные характеристики погребально–поминального обряда (виды и типы погребальных сооружений; останки погребённых; погребальный инвентарь; надгробные, подкурганные и внекурганные сооружения и следы ритуальных действий; поминальные памятники);

обозначить основания для датировки погребальных и поминальных комплексов региона в пределах III–II вв. до н. э.;

проанализировать памятники скифской оседлости Северо–Западного Причерноморья – топографию и остатки сооружений, а также элементы скифской культуры на данных поселениях;

изучить состав «кладов» и их датировку, проанализировать категории вещей из этих комплексов, их происхождение и культурную принадлежность, а также обосновать особый характер «кладов» среди прочих скифских памятников региона;

проанализировать скифские основы, а также инокультурные (греческое, фракийское, латенское/германское) влияния на погребальный обряд и материальную культуру населения Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.;

обосновать новую периодизацию скифской археологической культуры региона.

Методы исследования: сравнительно–типологический, метод аналогий, хронологический, метод стратиграфического и перекрёстного датирования, статистический анализ количественных показателей, картографирование.

Пространственные границы исследования составила территория Северо–Западного Причерноморья – т. е. степная зона, включающая левобережье Нижнего Прута, левобережье Нижнего Дуная (от впадения р. Прут в Дунай на западе до устья р. Дунай на востоке), Дунай–Днестровское междуречье (от устья р. Дунай на западе до правобережья Днестровского лимана), Нижнее Поднестровье и Днестро–Бугское междуречье.

Хронологические рамки – III–II вв. до н. э. – очередной этап существования и доминирования скифской археологической культуры в Северо–Западном Причерноморье.

Источниковую базу работы составили 370 памятников. Они были совершены (332 погребения), сооружены (14 поминальных комплексов), функционировали (14 поселений), или депонированы (10 «кладов») в III–II вв. до н. э. Эти материалы были получены из раскопок в дореволюционное время на Тираспольщине, а также из раскопок Западно–Скифской экспедиции ИА АН СССР; Днестровской археологической экспедиции Приднестровского государственного университета (далее – ПГУ) им. Т. Г. Шевченко; Слободзейской новостроечной экспедиции Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР, Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР; Орловского курганного отряда

Буджакской экспедиции ИА АН УССР; экспедиции Одесского областного правления общества охраны памятников истории и культуры УССР; Семёновской новостроечной экспедиции ИА АН УССР; Дунай–Днестровской экспедиции ИА АН УССР; Приднестровской археологической экспедиции Одесского археологического музея НАН Украины; Буджакской экспедиции НАН Украины; Ингульской экспедиции ИА АН УССР; Никонийской археологической экспедиции ИА АН УССР.

В совокупности эти археологические комплексы составляют 33,33% от общего числа известных памятников (1110) скифской археологической культуры на территории Северо–Западного Причерноморья.

Личный вклад автора. Ряд погребальных комплексов, составивших источниковую базу диссертации, был исследован в ходе раскопок под руководством автора или при его участии в качестве соавтора раскопок. Это результаты раскопок 2013–2020 гг., осуществлявшихся руководимой автором Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т. Г. Шевченко (могильник Глиное, курганные группы Глиное/Водовод, Глиное/Клин, Глиное/Сад, Глиное/Плавни, Глиное/Рыбхоз, Ближний Хутор/Спутник), а также материалы из раскопок этой же экспедиции под руководством Н. П. Тельнова в 2004–2011 гг.

Для изучения иных материалов автором была проведена работа в научных архивах и фондах Национального музея истории Молдовы (г. Кишинёв), Одесского археологического музея, Института археологии Национальной Академии наук Украины, Измаильского историко–краеведческого музея Придунавья.

Научная новизна работы: впервые в ходе исследования выделены различные скифские памятники III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье (370), а именно 332 погребения, 14 поминальных комплексов, 14 поселений (памятников скифской оседлости), 10 «кладов». Детально изучена пресловутая «проблема III в. до н. э.», состоящая из совокупности научных дискуссий по различным вопросам: поискам причин, обусловивших гибель «Великой Скифии» в

конце IV – первой трети III в. до н. э.; поискам погребальных памятников, надёжно датирующихся в пределах III–II вв. до н. э., в Северном Причерноморье; культурной атрибуции этих памятников; реконструкции исторических событий в указанное время; культурной атрибуции, датировке и определению назначения так называемых «странных комплексов» или «кладов». Тщательно проанализированы погребальный обряд и материальная культура скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. на основании информации, полученной при исследовании захоронений, поминальных комплексов, поселений и «кладов» этого времени в регионе. Указаны основания для датировки погребальных и поминальных комплексов, а также «кладов» III–II вв. до н. э. Особое внимание уделено скифским «кладам»: рассмотрен их состав, а также обоснована скифская принадлежность этого особого вида скифских памятников. Проанализированы инокультурные влияния на скифское население Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. (греческое, фракийское, латенское/германское), при этом обозначены скифские основы погребального обряда и материальной культуры. Обоснована новая периодизация скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья.

Научная значимость. Указанные в настоящей работе скифские памятники III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье позволяют выделить аналогичные археологические комплексы в других регионах Северного Причерноморья – на левобережье Южного Буга, в Поднепровье, в Крыму, в Приазовье и в Подонье. Это особенно актуально, поскольку в настоящее время происходит значительное увеличение источниковой базы в результате публикации материалов из курганов, раскопанных в советское время. Детальный анализ погребального обряда и материальной культуры позволил не только расширить и уточнить общие представления о скифской археологической культуре Северного Причерноморья, но, что особенно важно, продлить её существование в Северо–Западном Причерноморье, как

минимум, на два века – до конца II в. до н. э. Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что скифы населяли регион вплоть до появления здесь самых ранних сарматских памятников в I в. до н. э.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по скифской археологии Северного Причерноморья, по истории и культуре Скифии. Кроме того, результаты исследования нашли практическое применение в рамках читаемых автором общих и специальных курсов «Основы археологии» и «Ранний железный век Северо–Западного Причерноморья» в высших учебных заведениях региона, в экскурсоведении, а также при создании музейных экспозиций.

Положения, выносимые на защиту:

1. За последние 140 лет в Северо–Западном Причерноморье были выявлены и исследованы не только скифские памятники второй половины VII – конца IV в. до н. э., но и более позднего времени – III–II вв. до н. э. Из 1110 известных памятников в III–II вв. до н. э. были сооружены/совершены (курганы/погребения), функционировали (поселения) или депонированы («клады») 370 (33,33%).

2. Как демонстрирует историографический анализ, за последние 25 лет в специальной литературе оформились научные дискуссии, посвящённые: а) поискам причин, обусловивших гибель «Великой Скифии» в конце IV – первой трети III в. до н. э.; б) поискам погребальных памятников, датирующихся III–II вв. до н. э., в Северном Причерноморье; в) культурной атрибуции этих памятников; г) реконструкции исторических событий в указанное время; д) культурной атрибуции, датировке и определению назначения так называемых «странных комплексов» или «кладов». В настоящее время большинство исследователей соглашаются, что: а) в Северо–Западном Причерноморье есть и погребальные, и поселенческие памятники III–II вв. до н. э.; б) погребальные памятники этого времени оставлены скифами, хотя демонстрируют различные инокультурные влияния; в)

памятники Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. продолжают традиции скифской культуры региона предшествующего времени; г) могильник у с. Глиное является ключевым памятником для решения различных проблем, касающихся истории Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.; д) «клады» III–II вв. до н. э. в регионе связаны с сарматской археологической культурой и депонированы скифами. При этом только отдельные подобные комплексы, обнаруженные к западу и к востоку от указанного ареала, могут датироваться более поздним временем и принадлежать носителям иных культурных традиций.

3. Анализ обряда, зафиксированного при исследовании захоронений III–II вв. до н. э., показал его преемственность погребальным обычаям скифов более раннего времени. Заметные изменения в погребальном обряде связаны только с широчайшим использованием катакомб (особенно Т–образных), а также в господстве меридиональной ориентировки. Материальная культура скифского населения Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. имеет прямое генетическое родство с классической степной скифской культурой Северного Причерноморья предшествующего времени.

4. Практика сооружения значительного числа небольших курганных насыпей, компактно расположенных на могильниках, стала возможной при условии длительного проживания скифского населения в непосредственной близости от могильника, т. е. вследствие перехода от кочевого образа жизни к оседлому.

5. Немногочисленные поминальные комплексы III–II вв. до н. э. представляют собой следы тризн, которые совершались в непосредственной близости от синхронных скифских погребальных комплексов, а также и безо всякой связи с последними.

6. В III–II вв. до н. э. памятниками скифской оседлости, как и в предшествующее время, являлись поселения на левобережье Нижнего Дуная, в низовьях Днестра, а также в Днестро–Бугском

междуречье и на правобережье Южного Буга. Возле большинства поселений, на которых археологически фиксируется скифское присутствие, известны скифские курганы и захоронения III–II вв. до н. э.

7. «Клады» являются особым видом скифских памятников региона в III–II вв. до н. э. Скифская принадлежность большинства «культурообразующих» предметов (оружие, конское снаряжение, посуда) из «кладов» позволяет констатировать скифскую принадлежность самих этих комплексов. Версия, что скифские «клады» (происходящие, как правило, из курганов) являются археологическим выражением захоронений (совершавшихся, как правило, под курганными насыпями), представляется наиболее предпочтительной. Однако эта гипотеза требует дополнительных подтверждений.

8. Материалы, обнаруженные при исследовании скифских погребальных комплексов, «кладов» и поселений региона, позволяют с достаточной уверенностью фиксировать греческий (эллинистический), фракийский (гетский) и латенский/германский (кельтский, ясторфский, поенешть–лукашёвский, зарубинецкий и др.) элементы, выраженные в погребальном обряде и материальной культуре скифов Северо–Западного Причерноморья. Несмотря на латенские и греческие, а также фракийские влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., их скифские основы представляются очевидными и бесспорными.

9. Применение единых принципов датировок археологических комплексов позволит в последующем использовать различные хроноиндикаторы (в первую очередь, фибулы) и их совокупности для выделения скифских памятников III–II вв. до н. э. из массы более ранних.

10. Предложена новая периодизация скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья. Выделен новый этап её существования и доминирования в степной зоне между рр. Прут на западе и Южный Буг на востоке – III–II вв. до н. э.

Существует возможность переоценки всего ранее накопленного археологического материала с целью составления более точной картины скифского присутствия в III–II вв. до н. э. в Северном Причерноморье, что продемонстрировано на примере одного из регионов – Северо–Западного Причерноморья.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации изложены в 5 монографиях, 42 статьях, опубликованных в ведущих научных рецензируемых изданиях, 14 статьях в журналах из перечня ВАК Минобрнауки РФ, а также в 42 статьях в российских и зарубежных изданиях.

Результаты исследования неоднократно обсуждались на заседаниях научно–исследовательской лаборатории «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко, на проблемном семинаре «Археология раннего железного века» кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Разделы работы многократно докладывались и представлялись на различных конференциях: «Funeralpracticesasformsofculturalidentity(bronzeandironages)» (Румыния, Тульча, 2000); «Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века» (Ростов–на–Дону, 2001, 2002, 2006); «Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья» (Тирасполь, 2002); «Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре» (Киев–Судак, 2004); «Изобразительные памятники: стиль, эпоха композиции» (Санкт–Петербург, 2004); «Граковские чтения» (Украина, Запорожье, 2004, 2009); Четвёртая Кубанская археологическая конференция (Абхазия, Сухум, 2005); «Археологическое изучение Центральной России» (Липецк, 2006); «Археологія: відджерел до реконструкцій» (Украина, Комсомольск, 2011); «Древность: историческое знание и специфика источника» (Москва, 2011); «Человек в истории и культуре» (Украина, Одесса, 2012); «Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.» (Тирасполь, 2012); «Археологія: можливість і реконструкцій»

(Украина, Киев, 2014); IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа «Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье» (Краснодар, 2014); «Война и военное дело скифо-сарматском мире (Ростов-на-Дону-Кагальник, 2014); V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа «Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье» (Краснодар, 2015); Вторая международная конференция «Polish Society for Human & Evolution Studies» (Польша, Познань, 2015); XI чтения памяти профессора П. О. Карышковского (Украина, Одесса, 2016); 20 конгресс Европейской Антропологической Ассоциации «European Anthropology in a Changing World: From Culture to Global Biology» (Хорватия, Загреб, 2016); «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (чтения памяти И. А. Анцупова) (Молдова, Тараклия, 2017, 2018, 2019); «Народы культуры Нижнего Дуная в древности» (Украина, Измаил, 2018); «Биоархеологические этнокультурные исследования в юго-восточной Европе» (Молдова, Крихана Веке, 2019); «Bronze and Iron Ages in Eurasia: Rituals and Grave Goods as Possible Markers of the Social Identity of the Dead» (Румыния, Бузэу, 2019); «Forum Olbicum III: до 70-річчя з дня народження В. В. Крапівіної» (Украина, Николаев, 2020).

Структура работы определяется ее целью и задачами. Диссертация включает Введение, основной текст, состоящий из шести глав, Заключение, список использованной литературы и архивных источников и список сокращений.

Приложения (Том 2) представлены 22 текстовыми таблицами, в которых содержится информация об основных характеристиках погребального обряда, а также о встречаемости и размещений всех категорий инвентаря. К работе также приложены 147 графических таблиц, отражающих все виды скифских памятников Северо-Западного Причерноморья III-II вв. до н.э., а также материальную культуру скифского населения этого времени.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** формулируются цель, задачи и методы работы, определяется ее хронологические и пространственные границы, ее источниковая база.

Глава I. История изучения скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья

Первый раздел Главы I содержит информацию об истории полевых исследований скифских памятников региона.

Первый этап изучения скифских древностей региона (1881–1911 гг.) характеризуется тем, что раскопки осуществлялись на достаточно хорошем для своего времени научном уровне: проводился учёт курганов как в группах, так и одиночных, велась полевая научная документация, дневники, чертежи, инвентарные описи материалов. Исследователи вели раскопки колодцами, сначала небольшими квадратами, а затем квадратами больших размеров, вписанными в насыпь кургана. При этом терялась определённая часть информации о структуре насыпи, погребальных сооружениях, их взаиморасположении в курганах и др. Однако необходимо отметить, что данная методика (раскопки курганов колодцами) была характерна для всего дореволюционного периода в истории изучения скифских древностей.

Важно, что на первом этапе изучения скифских памятников Северо–Западного Причерноморья, большая их часть (66 захоронений из 76 известных) исследовалась в научных целях. Кроме того, был найден один клад и сделана случайная находка.

Второй этап изучения скифских древностей региона (1912–1955 гг.) характеризуется практически полным прекращением целенаправленных полевых исследований. Тем не менее, источниковая база продолжала увеличиваться. За указанное

время на правом берегу Нижнего Днестра было найдено скифское бронзовое навершие, на правом берегу Днестровского лимана – скифский «клад» (из которого сохранился только бронзовый шлем), на правом берегу Среднего и на левобережье Нижнего Днестра – было обнаружено по одному скифскому захоронению. Также на р. Большой Куяльник и на левом берегу р. Тилигул в Днестро–Бугском междуречье было найдено по одному разрушенному скифскому погребению.

Третий этап изучения скифских древностей Северо–Западного Причерноморья (1956–1991 гг.) характеризуется тем, что исследование памятников велось научными археологическими методами согласно полевой методике, выработанной за многие годы и применявшейся в СССР, а также своими масштабами. Большой объем работ послужил объективной причиной того, что публикация материалов значительно отставала от темпов полевых исследований.

Масштабы исследований скифских комплексов в указанный период не имеют себе равных за всю историю. За 36 лет были обнаружены и исследованы 670 скифских комплексов: четыре поселения; 625 погребений; 25 поминальных комплексов; семь «кладов»; девять внекомплексных находок.

Четвёртый этап изучения скифских памятников Северо–Западного Причерноморья (с 1992 г. по настоящее время) характеризуется сокращением объемов археологических работ и, в этой связи, акцентированием внимания на отдельных памятниках.

На современном этапе исследований (1992–2020 гг.) археологические исследования скифских памятников проводятся в значительно меньших масштабах. Из 356 скифских памятников десять являются поселениями, 335 – захоронениями, семь – поминальными комплексами, один – «кладом»; три – внекомплексными находками.

Большая часть скифских комплексов (296) была изучена или выявлена в результате работ Днестровской археологической экспедиции ПГУ им. Т. Г. Шевченко на левобережье Нижнего Днестра.

В итоге, за всё время изучения скифских древностей Северо–Западного Причерноморья были выявлены и/или изучены 1110 памятников: 1040 погребений, 32 поминальных комплекса, 14 поселений, 14 случайных/внекомплексных находок, 10 «кладов».

Из этого количества 370 памятников (33,33% от общего числа известных) были сооружены/совершены, функционировали или депонированы в III–II вв. до н. э.: 332 погребения, 14 поминальных комплексов, 14 поселений, 10 «кладов». При этом в данную выборку не включались захоронения, которые могли быть совершены в равной степени и во второй половине IV в. до н. э., и в первой половине следующего столетия. Значительное количество известных в настоящее время скифских памятников III–II вв. до н. э. свидетельствует о непрерывном развитии скифской культуры в степном Поднестровье с конца VII в. до н. э. и вплоть до II в. до н. э. Ранее сам факт наличия памятников (в первую очередь, погребальных) III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье вызывал интерес и научные споры у специалистов.

Во втором разделе главы I анализируется историография «проблемы III в. до н. э.» в Северном Причерноморье, сложившаяся, в основном, за последние 30 лет.

Пресловутая «проблема III в. до н. э.» представляет собой совокупность научных дискуссий по разным вопросам. Она может быть разбита на пять блоков, которые посвящены: 1) поискам причин, обусловивших гибель «Великой Скифии» в конце IV – первой трети III в. до н. э.; 2) поискам погребальных памятников, надёжно датированных в пределах III–II вв. до н. э., в Северном Причерноморье; 3) культурной атрибуции этих памятников; 4) реконструкции исторических событий в указанное время; 5) культурной атрибуции, датировке и определению назначения так называемых «странных комплексов» или «кладов».

Отметим, что начало дискуссий о памятниках III–II вв. до н. э. было положено А. И. Мелюковой в 1962 г. публикацией

скифских курганов IV–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра. Через 30 лет (в 1992 г.) они были возобновлены и не прекращаются до настоящего времени.

Несмотря на массу разногласий по различным вопросам, к настоящему времени исследователям удалось прийти к общему знаменателю по ряду позиций, а именно: 1) в Северо–Западном Причерноморье есть и погребальные, и поселенческие памятники III–II вв. до н. э.; 2) погребальные памятники этого времени оставлены скифами, хотя демонстрируют различные инокультурные влияния; 3) памятники Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. продолжают традиции скифской культуры региона предшествующего времени; 4) могильник у с. Глиное является ключевым памятником для решения различных проблем, касающихся истории Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.; 5) «клады» Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. не связаны с сарматской археологической культурой, и их большинство депонировано скифами. При этом только некоторые подобные комплексы, обнаруженные к западу (Коиловци) и к востоку (Рестумов II) от указанного ареала, могут датироваться более поздним временем и принадлежать носителям иных культурных традиций.

Глава II. Погребальные памятники и поминальные комплексы

Первый раздел главы посвящён анализу погребальных памятников Северо–Западного Причерноморья.

Среди погребальных комплексов III–II вв. до н. э. абсолютно доминируют курганные захоронения (325 комплексов; 97,89 % погребений). Бескурганные захоронения крайне редки (7 комплексов или 2,1 % захоронений).

Основным *намогильным сооружением* для скифских курганных комплексов III–II вв. до н. э. Северо–Западного Причерноморья является насыпь. Насыпи 150 скифских курганов (88,75% исследованных) были полностью

сбивелированы распашкой. В рельефе прослеживалось 19 курганов (11,25 %).

Единственная известная крепида была устроена вокруг насыпи кургана Николаевка/«На горбах».

Подкурганные сооружения представлены выкидами из погребальных сооружений и ритуальными ямами.

Выкид из погребальных сооружений зафиксирован в 119 скифских курганах, сооружённых в III–II вв. до н. э.

Ритуальные ямы обнаружены только в трёх курганах.

Единственным *внекурганным сооружением* является ров. Он был зафиксирован в 33 курганах (19,52 %).

Следами ритуальных действий являются тризны в насыпях курганов, тризны на уровне древнего горизонта и тризны во рвах.

На 332 изученных погребения III–II вв. до н. э. приходится 8 ям, 318 катакомб, 2 кенотафа, сооружённых на уровне древнего горизонта, и 4 захоронения, вид погребального сооружения которых не устанавливается.

В III–II вв. до н. э. *ямы* как вид погребального сооружения крайне редки. Известно всего восемь захоронений в ямах (2,4 % погребений).

Перекрытие ям камнем отмечено в четырёх случаях. Забутовка зафиксирована единожды.

Катакомбы (318 или 95,78 % захоронений) представлены семью основными типами по В. С. Ольховскому (1991. С. 26–28) и четырьмя типами комбинированных катакомб.

Исследованы 29 катакомб I типа (9,12 % катакомб), 36 катакомб II типа (11,33 % катакомб), 184 катакомбы III типа (57,87 % катакомб), 37 катакомб V типа (11,64 % катакомб), 8 катакомб VI типа (2,51 % катакомб), 1 катакомба VII типа (0,31 % катакомб), 3 катакомбы III типа исследовано три (0,94 % катакомб): входная яма примыкает к длинной стенке погребальной камеры.

Помимо вышеперечисленных типов, исследованы 14 комбинированных катакомб (4,4 % катакомб), конструкция которых не находит соответствий в классификации В. С.

Ольховского (1991). Все комбинированные катакомбы образованы сочетаниями различных типов – I, II, III и V. Особо отметим, что все эти комплексы сооружались одновременно, а не явились результатом повторного перекопа входной ямы с последующим устройством второй камеры.

Три погребения являются катакомбами комбинированного типа II+I, девять – катакомбами типа III+I, одно – катакомбой типа III+V, одно – катакомбой V+I.

Относительно шести разрушенных погребальных сооружений можно предполагать с большой долей уверенности, что они были совершены в катакомбах (1,88 % катакомб).

Среди конструктивных элементов катакомб отмечены: перекрытие устья входной ямы, забутовка ямы, побелка стен ямы, ступени в ямах, ниши в стенах ямы, выемки у входа в дромос и уступы вдоль стен входной ямы, заклад входа в дромос/погребальную камеру, ниши в стенках камер, деление камеры на две зоны, ямки в полу камеры. Отдельно будут рассмотрены орнаменты вокруг устья дромоса и над ним, орнаментация дромосов и погребальных камер.

Среди конструктивных элементов катакомб особое место занимают орнаменты вокруг устьев дромосов и над ними, собственно дромосов и погребальных камер. Орнаменты вокруг устья дромоса и над ним зафиксированы в 35 комплексах (11 % катакомб). Орнаментация дромосов и погребальных камер встречена в 39 комплексах (12,26 % катакомб). Особое положение этих элементов обусловлено тем, что они предназначались либо для дополнительного выделения части катакомбы (орнаменты вокруг устьев дромосов и над ними), либо для имитации определённой конструкции (орнаментация дромосов и погребальных камер).

К элементам погребальной обрядности, фиксируемым в катакомбах, относятся погребения «зависимых» лиц, лошадей и собак во входных ямах, подмазка зелёной глиной, подмазка илом, меловая подсыпка на дне дромосов и камер, угли и

кострища во входных ямах, дромосах и погребальных камерах, канавки в дне погребальных камер.

Погребения на уровне древнего горизонта исследованы дважды.

Вид погребального сооружения не был установлен в четырёх случаях.

Все погребения III–II вв. до н. э. были совершены по обряду ингумации.

Характер захоронений различается. Кенотафы исследованы в пяти комплексах (1,5 % погребений).

В 278 комплексах, совершённых по обряду ингумации, был установлен характер захоронения. 186 погребений (56,03 % захоронений) были одиночными. Парные захоронения встречаются значительно реже. Их отмечено всего 25 (7,53 % погребений). Коллективными погребениями могут считаться только четыре комплекса (1,2 % захоронений). Асинхронные погребения занимают второе место по распространённости после одиночных. Таких комплексов выявлено 63 (18,98 % захоронений).

Характер 49 захоронений остался невыясненным (14,76 % погребений).

Поза погребённых установлена в 319 случаях (70,41 % погребённых). Вытянутое положение на спине абсолютно преобладает. Оно зафиксировано в 308 случаях (68 % погребённых). Ещё в трёх случаях зафиксировано вытянутое положение на боку (0,66 % погребённых). В шести случаях зафиксировано скорченное положение (1,32 % погребённых). Только в двух случаях зафиксирована поза ничком (0,44 % погребённых). В 134 случаях поза погребённых не установлена (29,58 % погребённых) вследствие разрушения костяков при ограблениях или во время подзахоронений.

Ориентировка устанавливается для 446 погребённых (98,45%) из 453. Меридиональная ориентировка характерна для большинства погребённых (352 случая, или 77,71 %). Широтная ориентировка отмечена в 94 случаях (20,75 %). Ориентировки в трёх случаях достоверно не устанавливаются, однако очевидно,

что они были широтными (0,66 %). Данные об ориентировках отсутствуют для семи погребённых (1,54 %).

Тело погребённого помещали, как правило, на подстилку. Она была зафиксирована в 180 захоронениях (54,21 % погребений). Крайне редко тело погребённого укладывали на настил. Отмечено всего девять подобных случаев (2,71 % погребений). В четырёх случаях в камерах катакомб было сооружено деревянное гробовище. Материковое ложе было устроено в пяти катакомбах.

В двух погребениях отмечена подсыпка материковой глиной дна камеры. Изредка под голову погребённому укладывали подушку. Они отмечены в 23 комплексах (6,92 % захоронений).

Второй раздел главы посвящён анализу поминальных комплексов Северо-Западного Причерноморья III–II вв. до н. э.

Они исследованы на левобережье Нижнего Дуная (10), в Нижнем Поднестровье (3) и на правобережье Южного Буга (1). Они представлены курганами, а также поминальными местами, обнаруженными как в виде отдельных площадок, расположенных возле скифских курганов или между ними, так и на насыпях, возведённых в раннем бронзовом веке.

В каждом из этих комплексов был обнаружен археологический материал (амфоры, фрагменты иных гончарных сосудов, фрагменты курильницы, фрагменты статуэток, кости животных), свидетельствующий о совершении тризн скифами в III–II вв. до н. э.

Третий раздел главы посвящён датировкам погребальных и поминальных комплексов региона в пределах III–II вв. до н. э. Рассмотрены даты каждого захоронения и каждой тризны. Указаны основания для датировки: амфоры материал, в том числе и клеймённый; гончарные керамические импорты (канфары, амфориски, светильники, унгентарии и иные туалетные сосуды); фибулы, монеты; и др.

Глава III. Погребальный инвентарь и жертвенная пища

Погребальный инвентарь захоронений III–II вв. до н. э. представлен всеми категориями – оружием, конским снаряжением, орудиями труда, предметами быта, посудой, украшениями, деталями и аксессуарами костюма, предметами туалета и культа. Среди исследованных погребений выявлено только десять безынвентарных.

Оружие и предметы воинского снаряжения находились в 195 захоронениях (58,73 % погребений). Оно представлено кинжалом, наконечниками стрел (181 погребение – 54,51 % комплексов), колчанами (29 захоронений / 8,73 %), крючками–застёжками (48 погребений / 14,45 %), колчанными шильями (17 захоронений / 5,12 %), пряжками (2 захоронения), боевыми топорами (18 погребений / 5,42 %), копьями (27 захоронений / 8,13 %), дротиками (4 погребения), щитами (4 захоронения).

Конское снаряжение выявлено в 52 погребальных комплексах (15,66 % захоронений).

Функциональные предметы конской упряжи представлены удилами (38 захоронений / 11,44 %), трензельными кольцами (23 комплекса / 6,92 %), псалиями (36 захоронений / 10,84 %), уздечными пряжками (3 погребения), уздечными обоймами (1 погребение), утяжелителем повода (1 погребение), сёдлами (7 захоронений / 2,1 %) и подпружными пряжками (11 погребений / 3,31 %).

Защитно–декоративные предметы конского снаряжения представлены налобниками (9 погребений / 2,71 %), пронизьями (5 комплексов / 1,5 %), бляхами (5 погребений / 1,5 %), а также бусинами (2 погребения).

Орудия труда известны в 207 погребениях (62,34 % захоронений). Они представлены ножами (195 погребений / 58,73 %), футлярами ножей (2 захоронения), лепными грузилами (3 погребения), лепными пряслицами (89 захоронений / 26,8 %), фрагментами веретён (2 погребения), шильями (21 захоронение / 6,32 % погребений), иглами (18 захоронений / 5,42 %), абразивными инструментами (9 захоронений / 2,71 %), «растиральником», «затиральниками» (15 захоронений / 4,51 %).

Предметы быта известны в 67 погребениях (20,18 % захоронений). Они представлены светильниками (59 захоронений/ 17,77 %), железным канделябром, кресальными кремнями (9 захоронений/ 2,71 %)

Посуда находилась в 199 захоронениях (59,93 % погребений).

Тара представлена только амфорами (25 захоронений/ 7,53 %).

Кухонная посуда зафиксирована в 24 захоронениях (7,22 % погребений). Она представлена горшками (22 захоронения / 6,62 %), бронзовым черпаком; в одном погребении отпечаток ножки бронзового котла.

Столовая посуда получила наибольшее распространение (181 захоронение/ 54,51 %). Она представлена находками мисок (141 погребение / 42,46 %), чашек (95 захоронений/ 28,61 %), канфаров (12 погребений/ 3,61 %), кувшинов (12 захоронений/ 3,61 %), кружек (4 погребения), чаш (3 захоронения) и поильников (2 комплекса).

Украшения обнаружены в 217 захоронениях (65,36 % погребений). Они представлены гривнами (2 погребения), ожерельями (106 захоронений / 31,92 %), браслетами (120 погребений/ 36,25 %), «локтевыми браслетами» (17 захоронений/ 5,12 %), бусинами от «налобных повязок» (21 случай), бусины от «шнурков» (9 случаев), скоплениями бусин и других изделий (4 погребения), бляшками (10 захоронений/ 3,01 %), серьгами (71 погребение / 21,38 %), височными кольцами (22 захоронения / 6,62 %), лировидными подвесками (7 погребений / 2,1 %), кольцами (23 захоронения / 6,92 %), перстнями (20 погребений / 6,02 %), конусовидными подвесками (9 захоронений / 2,71 %), поясными украшениями (5 погребений / 1,5 %).

Детали и аксессуары костюма обнаружены в 118 захоронениях (35,54 % погребений).

Головные уборы зафиксированы в шести захоронениях (1,8 % погребений) и представлены простейшими начальными украшениями – налобными повязками (три случая) и цилиндрическими шапками (три находки).

Фрагменты кожаной обуви найдены в четырёх захоронениях.

Аксессуары костюма (111 захоронений / 33,43 % погребений) представлены ремнём, фибулами (102 захоронения / 30,72 %), ворворками (18 погребений / 5,42 %) и застёжками (3 погребения).

Предметы туалета известны только в 29 захоронениях (8,73 % погребений).

Бронзовые зеркала (26 экз.) обнаружены в 26 катакомбах (7,83 % погребений). Туалетные сосуды (лекифы, унгентарии, амфориск, лагинос, деревянная шкатулка) представлены 8 находками из 6 погребений (1,8 %).

Предметы культа и следы культовых действий обнаружены в 147 захоронениях (44,27 % погребений). Они представлены курильницами (90 захоронений / 27,1 %), каменными плитами (45 погребений / 13,55 %), амулетами (13 захоронений / 3,91 %), раковинами моллюсков (7 погребений / 2,1 %), монетами (5 захоронений / 1,5 %), панцирями черепах (2 погребения), оленьим рогом, камнями различных форм и размеров (42 захоронения / 12,65 %), фрагментами сосудов (26 погребений / 7,83 %), свинцовым слитком, охрой (13 захоронений / 3,91 %), реальгаром (8 погребений / 2,4 %), серой (2 захоронения).

Жертвенная пища обнаружена в 173 захоронениях (52,1 % погребений).

Глава IV. Памятники скифской оседлости и «клады»

Первый раздел главы посвящён поселенческим памятникам, на которых в III–II вв. до н. э. зафиксированы следы пребывания/проживания скифов.

В III–II вв. до н. э. памятниками скифской оседлости являлись десятки поселения на левобережье Нижнего Дуная, в низовьях Днестра (в том числе и в округе греческих городов Тиры и Никония), а также в Днестро–Бугском междуречье и на правобережье Южного Буга (в округе Ольвии).

В работе рассмотрены 14 поселенческих памятников (Затока–I, Индия, Красное, Надлиманское городище, Незавертайловка–VII, Николаевка, Паланка, Парканы–II, Пивденное, Сария,

Слободзея–VI, Терновка «Кривое Озеро», Токмазея–II, Чобручи) Северо–Западного Причерноморья.

Эти поселения функционировали на протяжении III–II вв. до н. э., либо финальный этап их существования охватывает первую четверть или первую половину III в. до н. э. При их исследовании были выявлены элементы собственно скифской археологической культуры.

Анализ топографического размещения указанных поселений показывает, что все они расположены в непосредственной близости от воды – р. Днестр и её рукава р. Турунчук, а также на побережьях Днестровского лимана. Из 14 памятников только четыре (Индия, Терновка «Кривое Озеро», Токмазея–II, Чобручи) расположены в пойме Днестра, на первой террасе, т.е. на затапливаемой территории, что может указывать на сезонный характер их функционирования (стойбища?).

Поселение Красное, которое находится на берегу небольшой речки, могло функционировать постоянно, о чём свидетельствует его площадь (минимум 45 га) – наибольшая из всех известных.

Все прочие памятники (Затока–I, Надлиманское городище, Незавертайловка–VII, Николаевка, Паланка, Парканы–II, Пивденное, Сария, Слободзея–VI), вне зависимости от того, когда они впервые стали функционировать (в раннем бронзовом или в раннем железном веке), в скифское время функционировали постоянно.

Строительные остатки представлены оборонительными, жилыми и хозяйственными сооружениями, а также зольником. Все они открыты на семи поселениях, которые исследовались стационарно или шурфовались.

Оборонительные сооружения зафиксированы на городище Надлиманское. Они представлены двумя рвами и глинобитными стенами на каменном цоколе. Поселение Сария, судя по наличию рва, также являлось городищем.

Жилые и хозяйственные сооружения раскопаны на всех семи поселениях, которые исследовались стационарно.

Элементы скифской культуры на памятниках.

Из построек к элементам скифской культуры на указанных памятниках относятся сооружения в виде юрт. Семь таких жилищ исследованы на городище Надлиманское, одна юрта на поселении Пивденное, и еще одна – на Николаевском поселении. Аналогичные конструкции исследованы в Нижнем Поднепровье, а также в Западном Крыму.

Все прочие элементы скифской культуры на поселенческих памятниках Северо–Западного Причерноморья, функционировавших в III–II вв. до н. э., связаны с вещевыми находками. Это посуда скифского облика (наиболее многочисленна), светильники, курильницы, предметы вооружения и воинского снаряжения, аксессуары костюма и др.

Крайне важно, что возле большинства поселений, на которых археологически фиксируется скифское присутствие, известны скифские курганы и захоронения III–II вв. до н. э.: возле поселения Парканы–II на левобережье Нижнего Днестра – 17 скифских курганов; в окрестностях поселений Чобручи и Слободзея–VI–20 скифских курганов; в непосредственной близости от поселения Красное – могильник из 114 курганов (Глиное) и два погребения в группе Глиное/Водовод; возле поселения Незавертайловка–VII – один скифский курган; возле поселения Николаевка – шесть погребений грунтового могильника и одно курганное захоронение, и др.

Можно констатировать, что в III–II вв. до н. э. памятниками скифской оседлости являлись различные варварские или греко–варварские поселения, функционировавшие в это время. На этих памятниках скифы могли находиться более (сооружения в виде конических шалашей, большое количество лепной скифской посуды) или менее (небольшое количество лепной посуды скифского облика) длительное время, или же просто посещать их (отдельные находки предметов вооружения и воинского снаряжения). С другой стороны, скифские погребальные комплексы, расположенные в непосредственной близости от поселений, указывают, что в III–II вв. до н. э. какая–то часть скифского населения постоянно проживала на этих памятниках.

Памятниками скифской оседлости в регионе были также греческие города Тира, Никоний, Ольвия и поселок Кошары, где зафиксирована скифская лепная керамика, курильницы, отдельные предметы скифского вооружения и конского снаряжения, а также отдельные скифские захоронения (некрополь Никония, могильник поселения Кошары).

Второй раздел главы посвящён «кладам» – особому виду скифских памятников Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э.

На данный момент известно всего десять скифских комплексов в регионе – находки у с. Трушешть на правом берегу Прута, у с. Старые Бедражи на левом берегу Прута, у с. Гэвани на правом берегу Нижнего Дуная, у сс. Твардица и Весёлая Долина, возле пгт. Тараклия в Дунай–Днестровском междуречье, у сс. Броаска/Бубуечь, Беленькое, Бравичены и Великоплатское в Нижнем Поднестровье.

Проанализированы состав каждого комплекса и их датировка. Суммарно даты всех «кладов» укладываются в интервал от второй четверти III в. до н. э. до начала I в. до н. э.

В составе «кладов» были обнаружены различные предметы.

Вооружение представлено псевдоаттическими бронзовыми шлемами (Броаска/Бубуечь; Гэвани), бронзовыми шлемами типа Монтефортино (Беленькое; Весёлая Долина), железными наконечниками копий (Великоплатское; Весёлая Долина, Гэвани; Трушешть), железным наконечником дротика (Великоплатское); бронзовым (Гэвани) и железными (Великоплатское) наконечниками стрел.

К функциональным предметам конской упряжи относятся железные удила (Бравичены; Великоплатское; Весёлая Долина; Гэвани; Старые Бедражи; Трушешть), железные трензельные кольца (Великоплатское; Весёлая Долина; Трушешть), железные и бронзовый псалий (Бравичены; Великоплатское; Весёлая Долина; Гэвани; Старые Бедражи; Трушешть).

Защитно–декоративные элементы конского снаряжения представлены налобниками с секировидной лопастью

(Броаска/Бубуечь; Великоплатое; Таракляя); налобником с подтреугольной лопастью (Старые Бедражи); стержневидными налобниками (Бравичены; Весёлая Долина); нащёчником(Гэвани); парой нащёчных пластин (Броаска/Бубуечь); фаларами с геометрическим орнаментом (Броаска/Бубуечь; Весёлая Долина; Старые Бедражи; Твардица) и с изображением «шествия зверей» (Твардица); ажурными бляхами округлой формы в виде трёхчастной розетки с сильно стилизованными зооморфными изображениями (Гэвани); перстневидными бляхами (Великоплатое); круглыми плоскими/слабовыпуклыми бляхами с петлями на обороте (Великоплатое; Весёлая Долина; Старые Бедражи; Трушешть); круглыми бляхами с изображениями человеческого лица (Броаска/Бубуечь; Великоплатое); кольцевидными пронизями (Бравичены; Броаска/Бубуечь; Великоплатое).

Украшениями (конской узды? костюма?) являются бронзовое кольцо (Гэвани), стеклянные и бронзовые бусины (Бравичены; Весёлая Долина; Гэвани), бронзовые пронизи (Великоплатое), бронзовая подвеска (Гэвани).

Аксессуары костюма представлены ворворками (Бравичены; Великоплатое; Гэвани), железной поясной бляхой, плакированной золотой фольгой (Весёлая Долина), а также бронзовой поясной пряжкой (Бравичены).

К предметам культа можно отнести кабаньи клыки (Гэвани). Орудиями труда являются ножи (Броаска/Бубуечь; Весёлая Долина).

Посуда из «кладов» представлена бронзовыми котлами (Броаска/Бубуечь; Великоплатое), бронзовым котлом/тазом (Великоплатое), бронзовыми ситулами (Весёлая Долина; Старые Бедражи), серебряной (Великоплатое) и деревянными чашами (Великоплатое – золотые обивки и железные гвозди; Весёлая Долина – бронзовая обивка; Гэвани – серебряные обивки).

В тризнах были найдены амфоры (Старые Бедражи – самосская(?); Твардица – косская и синопская), красноглиняная гончарная чашка (Твардица), фрагменты двух лепных горшков

(Твардица), «фрагменты керамики» (Броаска/Бубуечь), а также каменная плита (Твардица) и кости животных (Твардица).

Культурную основу «кладов» составляют скифские по происхождению вещи. Это, в первую очередь, предметы вооружения и конского снаряжения, а также некоторые сосуды – деревянные чаши с обивками и бронзовые котлы.

Железные наконечники копий, железный наконечник дротика, бронзовый и железные наконечники стрел широко представлены в скифских погребальных комплексах Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. и практически ничем не отличаются от аналогичных изделий более раннего времени. Импортными в комплексе вооружения являются четыре бронзовых шлема: два псевдоаттических эллинистического производства (Броаска/Бубуечь; Гэвани), и два шлема типа Монтефортино италийского происхождения (Беленькое; Весёлая Долина).

Все без исключения функциональные предметы конской упряжи находят множество аналогий в синхронных скифских захоронениях Северо–Западного Причерноморья и более восточных регионов.

Скифскими по происхождению являются такие защитно–декоративные предметы конского снаряжения, как налобники с секировидной лопастью (Броаска/Бубуечь, Великоплатное, Тараклия) и налобник с подтреугольной (асимметрично–ромбической) лопастью (Старые Бедражи), нащёчник в виде сдвоенных конечностей хищника (Гэвани), перстневидные бляхи (Великоплатное), круглые плоские/слабовыпуклые бляхи с петлями на обороте (Великоплатное, Весёлая Долина, Старые Бедражи, Трушешть); кольцевидные пронизи (Бравичены, Броаска/Бубуечь, Великоплатное).

Только фалары с геометрическим орнаментом (Броаска/Бубуечь; Весёлая Долина; Старые Бедражи; Твардица) и один фалар с изображением «шестивия зверей» (Твардица) являются продукцией эллинистических мастеров. Четыре бляхи округлой формы в виде трёхчастной розетки с сильно стилизованными зооморфными изображениями (Гэвани), пара

нащёчных пластин (Броаска/Бубуечь) и пять круглых блях (Броаска/Бубуечь; Великоплатое) с изображениями человеческого лица являются латенскими по происхождению. По всей видимости, также латенскими являются стержневидные налобники из Бравичен и Весёлой Долины, которые нехарактерны для скифских древностей, но известны на памятниках Центральной Германии.

Бронзовые литые котлы (Броаска/Бубуечь; Великоплатое) считаются одним из наиболее характерных элементов скифской археологической культуры уже с архаического времени. В полной мере это относится и к деревянным чашам, находки обивок которых в «кладах» III–II вв. до н. э. (Великоплатое, Весёлая Долина, Гэвани) и синхронных погребениях Северо–Западного Причерноморья, очевидно, демонстрируют существование традиции изготовления и использования таких сосудов, отмеченной ещё в V–IV вв. до н. э..

Только один сосуд – бронзовый котёл/таз (Великоплатое) – является латенским импортом.

Из всех прочих предметов только бронзовое кольцо с выступами и подвеска (деталь шлема) из Гэвани, а также бронзовая поясная пряжка из Бравичен имеют латенское происхождение. Все остальные вещи (бусины, пронизи, ворворки, кабаньи клыки и ножи) имеют многочисленные аналогии в скифских комплексах Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э.

Таким образом, скифская принадлежность большинства «культурообразующих» предметов (оружие, конское снаряжение, посуда) из перечисленных «кладов» позволяет констатировать и скифскую принадлежность самих этих комплексов.

Находки фрагментов гончарной и лепной посуды, а также каменной плиты и костей животных, сопровождавших в виде отдельных тризн «клады» из Броаски/Бубуечь, Старых Бедражей и Твардицы, весьма характерны для вещевого комплекса тех тризн, которые устраивались скифами во время захоронений и фиксируются археологически.

Необходимо констатировать, что из восьми случаев в Северо–Западном Причерноморье, в которых задокументирована связь «странных комплексов» с рукотворной или природной возвышенностью, в шести случаях эти комплексы вещей находились в курганах (Броаска/Бубуечь, Великоплатное, Весёлая Долина, Тараклия, Гэвани) или возле кургана (Твардица), в двух случаях – в естественных всхолмлениях (Старые Бедражи, Трушешть).

Таким образом, находки большей части «кладов» в курганах или естественных возвышенностях, а также сопровождение тризнами этих комплексов могут служить свидетельствами в пользу интерпретации последних в качестве погребальных, от которых сохранился только инвентарь. Подобные аргументы нельзя было бы считать достаточными, если бы их сочетание не было зафиксировано в кургане 20 у с. Семёновка, исследованном на правом берегу Днестровского лимана.

Необходимо подчеркнуть, что интерпретации «кладов» в качестве погребального инвентаря скифских погребений–кенотафов как будто противоречит ряд обстоятельств.

Во–первых, известны находки подобных комплексов вещей в балках и на территории поселенческих памятников, синхронных «кладам» (отклонение от базовой нормы обряда?). Во–вторых, наборы предметов вооружения, конского снаряжения и престижные импортные вещи, как правило, более представительны количественно, нежели аналогичные находки из синхронных скифских захоронений (специальный обряд захоронения представителей воинской элиты?). В–третьих, часть «кладов» найдены на достаточном (Бравичены, Гэвани) или значительном (Старые Бедражи, Трушешть) удалении от основного ареала позднескифской культуры Северо–Западного Причерноморья.

Все перечисленное в совокупности с недостаточной информацией об археологических контекстах находок «кладов» не позволяют безоговорочно считать все эти комплексы погребальным инвентарём скифских захоронений–кенотафов.

Именно поэтому они рассматриваются как особый вид скифских археологических памятников региона в III–II вв. до н. э.

Глава V. Инокультурные влияния на скифское население Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.

В первом разделе работы обозначены основные характеристики скифского погребального обряда и материальной культуры.

Анализ обряда, зафиксированного при исследовании захоронений III–II вв. до н. э., показал его преемственность погребальным обычаям скифов более раннего времени.

В то же время в III–II вв. до н. э. увеличивается количество асинхронных захоронений (19,04 % от общего числа). По сравнению с доминированием в предшествующее время ям и редкостью катакомб, большинство из которых представлены I типом (ямы с подбоями), в III–II вв. абсолютно преобладают катакомбы (96,07 % погребальных сооружений), особенно T–образные (III типа).

В отличие от предшествующего времени (V–IV вв. до н. э.), когда доминировала широтная ориентировка, в позднескифское время господствует меридиональная ориентировка.

Материальная культура скифского населения Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. имеет прямое генетическое родство с классической степной скифской культурой Северного Причерноморья предшествующего времени.

Основным видом наступательного вооружения по–прежнему остаются лук и стрелы, причём стрелы снабжены в большинстве случаев железными наконечниками, которые по своей форме ничем не отличаются от бронзовых наконечников IV в. до н. э. Вдвое реже по сравнению с предшествующим временем стали встречаться копья; дротики используются столь же редко. Мечи и кинжалы, изредка встречавшиеся в V–IV вв. до н. э., практически неизвестны в скифских погребениях III–II н. э. Северо–Западного Причерноморья. Вероятно, на смену мечам в качестве оружия ближнего боя пришли боевые топоры.

Конское снаряжение в III–II вв. до н. э. практически ничем не отличается от более раннего. Из новшеств следует отметить широчайшее распространение трензельных колец, а также крайне редкое использование перстневидных блях, кольцевидных пронизей и круглых блях.

Орудия труда также практически идентичны орудиям предшествующего времени.

Тарная посуда представлена исключительно амфорами, но их количество в погребениях III–II вв. до н. э. значительно сокращается по сравнению с V–IV вв. до н. э. Кухонная посуда представлена лепными горшками и бронзовым черпаком. Количество горшков примерно соответствует имеющимся данным относительно V–IV вв. до н. э. Единственный котёл был унесён из камеры катакомбы при ограблении. Количество столовой посуды по сравнению с предшествующим периодом, в III–II вв. до н. э. значительно возрастает, а ассортимент сокращается. В погребениях III–II вв. до н. э. нет киликов, скифосов, солонок, пелик, ойнохой, кубков, лекан. При этом широчайшее распространение получают лепные миски и чашки.

Украшения также типичны для скифской степной культуры Северного Причерноморья.

Среди аксессуаров костюма значительное место занимают фибулы различных латенских типов и вариантов. Кроме того, известны фибулы фракийского типа. Они получили широчайшее распространение на памятниках III–II вв. до н. э., которое не имеет аналогов на скифских памятниках других регионов Северного Причерноморья.

Предметы туалета, представленные зеркалами и сосудами для благовоний, имеют массу аналогий в скифских комплексах предшествующего времени не только Северо–Западного, но и всего Причерноморья

Определённую оригинальность набору культовых предметов III–II вв. до н. э. придают лепные курильницы с обожжёнными гальками внутри, однако эти сосуды являются общескифским явлением, встречающимся от Лесостепи на севере до Крыма на юге, от Подунавья на западе до Подонья на востоке.

В III–II вв. до н. э., как и в предшествующее время, скифы Северо–Западного Причерноморья продолжают развивать контакты с греческим населением и с носителями других культур региона.

Во втором разделе проанализировано греческое влияние на погребальный обряд и материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.

Греческое влияние на погребальный обряд скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. проявляется в виде устройства сырцовых закладов (7 случаев), а также единственного заклада из сосудов (1 случай), ниш для светильников в стенах погребальных камер (8 случаев), материковых лож (5 случаев) и подсыпок под погребёнными (2 случая), канавок в дне погребальных камер (3 случая).

Греческое влияние на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья III–II вв. до н. э. нашло своё отражение в широчайшем распространении светильников, в единичных находках канделябра и черпака, в серии лепных чашек на высокой ножке (25 экз.), в находках мисок с петлевидными боковыми ручками (3 экз.), мисок с дном, представляющим собой имитацию кольцевого поддона (4 экз.), в находках лепных поильников (2 экз.), а также в изготовлении лепных курильниц на ножках (3 экз.).

В третьем разделе проанализировано фракийское влияние на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.

Оно нашло своё отражение в единственном предмете вооружения (двулезвийном топоре), некоторых предметах конского снаряжения (удила с зубчатыми колёсиками на грызлах; бронзовый налобник в виде плоской фигурной пластины; нащёчник в виде сдвоенных конечностей хищника; четыре ажурные бляхи в виде трёхчастной розетки), украшениях (гривна, лировидная подвеска, браслеты (8 экз.) со змеиными головками на окончаниях; браслеты (17 экз.) и серьги

(7 экз.) с лопаточковидными окончаниями; браслеты (3 экз.), серьги (6 экз.) и лировидные подвески (10 экз.) с коническими шишечками на окончаниях; конусовидные подвески (30 экз.); фибулы фракийского типа – 19 экз.).

Однако наиболее выражено фракийское влияние в керамическом комплексе: лепные кувшины с петлевидной ручкой, возвышающейся над венчиком (4 экз.); лепные кружки с петлевидной ручкой (5 экз.); миски (14 экз.) и чашки (4 экз.) с загнутым внутрь венчиком; миски со сложнопрофилированным венчиком для упора крышки (2 экз.); миски (49 экз.) и чашки (5 экз.) с выделенным ребром; выступы–фестоны по венчику мисок (22 экз.) и чашек (2 экз.); горизонтальные валики по венчику мисок (4 экз.); вертикальный валик на бортике мисок (2 экз.); миски с упорами, расположенными под венчиком и параллельно ему (2 экз.); орнамент в виде «гирлянды» из украшенных пальцевыми вдавлениями сплошных валиков на горшках (6 экз.); фрагмент крышки лепного сосуда с выраженным бортиком.

В четвёртом разделе проанализировано латенское/германское влияние на материальную культуру скифов Северо–Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э.

Среди материалов из скифских захоронений и из «кладов» III–II вв. до н. э. «чистых» кельтских вещей нет, но зато велико число «латенизированных» находок. Это следующие изделия: трёхъярусная гривна; браслет и кольца (5 экз.) с выступами на стержне; браслет с тремя группами рубчиков на стержне; серьги с поперечными «восьмёрками» (3 пары); пара поясных накладок с изображением мужских голов; поясная пряжка «с изображением конской головки»; наконечник копья с асимметричным пером; деталь составного навершия кельтского шлема; круглые бляхи конской узды с изображением мужских голов; пара конских нащёчных пластин; четыре ажурные бляхи конской узды в виде свастических трёхлучевых изображений; котёл или таз с двумя подвижными ручками; ворворка в форме сосуда с выступами на тулове; крючки–застёжки с одним

загнутым окончанием, раскованной пластиной внизу и выступом для крепления (25 экз.); крючки, представляющие собой пластину с загнутыми навстречу окончаниями в виде скобы (14 экз.).

Фибулы являются наиболее репрезентативным свидетельством латенского/германского влияния на материальную культуру скифов Северо-Западного Причерноморья в III–II вв. до н. э. Из 129 фибул из скифских погребальных комплексов региона этого времени 93 изделия (72,09%) представляют собой аксессуары костюма латенского/германского происхождения.

Несмотря на греческие, фракийские и латенские/германские влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов Северо-Западного Причерноморья III–II вв. до н. э., их скифские основы представляются очевидными и бесспорными.

Проводниками греческих влияний на погребальный обряд и материальную культуру скифов Нижнего Днестра в III–II вв. до н. э. являлись греки, проживавшие в городах Тира, Никоний (на берегах Днестровского лимана), Ольвия (на правом берегу Южного Буга), а также смешанное греко-варварское население, которому принадлежали поселения, расположенные в непосредственной близости от указанных центров.

Фракийский компонент, особенно в керамическом комплексе, из скифских погребальных памятников III–II вв. до н. э. Северо-Западного Причерноморья, связан с гетским населением, которое уже в III в. до н. э. не только проникало из лесостепной зоны в степную, но и постоянно там проживало, как минимум до самого конца II в. до н. э. Об этом свидетельствуют гетские поселения на левобережье Нижнего Дуная, на правобережье и левобережье Нижнего Днестра.

Памятники латенизированных культур Восточной Европы в пределах лесостепной зоны, граничащей с Северо-Западным Причерноморьем, известны. Это погребения поенешть-лукашэвской культуры (посл. четв. III– третья четв. I в. до н. э.), основной ареал которой включает территорию от Восточных Карпат на западе до днестровского правобережья на востоке, от

северной окраины Среднего Поднестровья на севере до границы лесостепной и степной зон на юге.

Памятники поенешть–лукашѐвской культуры известны и на левобережье Нижнего Дуная, и в Прутско–Днестровском междуречье, и на правобережье Среднего Днестра, т.е. на территории, которая была занята скифами в III–II в. до н. э. или непосредственно примыкала к ней. Носители этой культуры на протяжении последней четверти III в. до н. э. и всего последующего столетия могли быть источником, откуда к скифам поступали импорты латенского/германского происхождения. В более ранний период (в первой половине и в третьей четверти III в. до н. э.) посредниками между кельтским/латенским миром и скифами, очевидно, были гетские племена, населявшие лесостепную зону Прутско–Днестровского междуречья, территорию Запрутской Молдовы и Добруджу.

Глава VI. Периодизация скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья и перспективы её использования для других регионов Северного Понта

Исследования скифских погребальных комплексов III–II вв. до н. э. в течение последних 25 лет, а также переосмысление датировок и культурной принадлежности других комплексов, изученных в предшествующее время в Северо–Западном Причерноморье, позволяют констатировать, что в данном регионе скифская археологическая культура существовала непрерывно, по крайней мере, с конца VII в. до н. э. и вплоть до конца II в. до н. э. Этот факт заставил обратиться к проблеме периодизации скифской археологической культуры Северного Причерноморья в целом, и, в частности, её западного ареала, ограниченного р. Прут на западе и р. Южный Буг на востоке.

Ни в одной из современных периодизаций (Спицын, 1918; Ростовцев, 1925; Либеров, 1954; Ильинская, Тереножкин, 1983; Мелюкова, 1989; Ерѐменко, 1997; Алексеев, 2003) нет места скифским памятникам III–II вв. до н. э. Ситуация не выглядит удивительной, поскольку на момент создания самой новой

периодизации (Алексеев, 2003) существование скифских памятников III–II вв. до н. э. в Северном Причерноморье было предметом ожесточённых дискуссий. Господствовало мнение, что финал Классической Скифии на рубеже IV–III вв. до н. э. автоматически означал прекращение существования скифской археологической культуры в её традиционном восприятии. Считалось, что исчезла знаменитая скифская «триада» – скифские формы вооружения, предметы конского снаряжения и изделия, выполненные в характерном для скифов «зверином» стиле.

В настоящее время, по крайней мере, исходя из анализа погребальных и иных памятников Северо–Западного Причерноморья, можно утверждать, что скифская археологическая культура данного региона на рубеже IV–III вв. до н. э. своё существование не прекратила.

Самым заметным изменением в составе вооружения стало исчезновение мечей и кинжалов из скифского «арсенала» Функциональные и защитно–декоративные предметы конского снаряжения претерпели некоторую эволюцию (появление крестовидных псалиев в III в. до н. э. вместо крестовидных насадок на удила предшествующего времени; широкое распространение трензельных колец; изменение отдельных форм налобников). В то же время, практически полное исчезновение скифского искусства очевидно. Только некоторые из изделий с большой долей условности можно относить к произведениям скифского звериного стиля, а точнее, к его репликам или пережиткам. Не известно в настоящее время ни одного скифского антропоморфного изваяния, связанного со скифским погребальным комплексом этого времени. По всей видимости, причиной тому стало греческое влияние на материальную культуру варваров, которое к концу IV в. до н. э. (в эпоху эллинизма) стало настолько существенным, что «подавило» их традиционное искусство (Канторович, 2015).

Всё изложенное в совокупности с наличием множества разнообразных скифских памятников III–II вв. до н. э. в Северо–Западном Причерноморье позволяет выделить ещё один период

существования скифов в регионе, обозначив его предварительно как «Скифия эпохи эллинизма».

Таким образом, периодизация скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья в настоящее время выглядит следующим образом:

I период – Архаическая Скифия – от конца VII в. до н. э. до рубежа VI–V вв. до н. э. Памятники этого времени крайне немногочисленны. Указанный период маркирует время первого проникновения скифов на самую западную окраину северопричерноморских степей (впускные захоронения в курганах бронзового века), которое носило отнюдь не мирный характер.

II период – Классическая Скифия – от начала V в. до н. э. до конца IV в. до н. э. Этот период может быть разделён на четыре основных подпериода:

1) первая половина V в. до н. э. – закрепление скифов на уже знакомой территории, что нашло отражение в появлении скифских курганных могильников;

2) вторая половина V в. до н. э. – начало постоянного пребывания, увеличение количества, и, соответственно, доминирование в регионе скифского населения;

3) первая половина IV в. до н. э. – окончательное освоение региона скифскими племенами. В это время отдельные погребения, курганные группы и могильники известны повсеместно – на левобережье Прута и Дуная, в Дунай–Днестровском междуречье, в Поднестровье и в Днестро–Бугском междуречье;

4) вторая половина IV в. до н. э. – время наивысшего расцвета скифской культуры в Северо–Западном Причерноморье. Об этом свидетельствуют количество и разнообразие инвентаря и, безусловно, керамических и металлических импортов из погребальных памятников. Вместе с тем, со второй половины IV в. до н. э. становится заметной трансформация погребального обряда (увеличение числа катакомб среди прочих видов погребальных сооружений) и материальной культуры, в

которую всё больше включаются инокультурные элементы (греческие, фракийские, латенские/германские).

III период – Скифия эпохи эллинизма – III–I вв. до н. э., вплоть до появления первых достоверных сарматских погребений в Северо–Западном Причерноморье. В это время происходит оседание значительной части скифского населения на поселениях. Оседлый образ жизни обусловил очевидную «эллинизацию» скифов (греческое влияние на погребальный обряд и материальную культуру; исчезновение скифского звериного стиля), а также чётко прослеживаемые контакты с гетскими племенами (посуда и украшения фракийского облика), носителями латенских/германских традиций (большинство фибул и крючков–застёжек). Возле поселений формируются и функционируют длительное время большие курганные могильники. Т–образные и производные от них катакомбы безраздельно господствуют среди прочих видов погребальных сооружений и среди других типов катакомб.

IV период – Поздняя Скифия – I–III вв. н. э. В Северо–Западном Причерноморье памятники этого времени в настоящее время представлены поселением и могильником Молога II на правом берегу Днестровского лимана.

В это время оседлое скифское население ассимилировано сарматами, но продолжает сохранять свою самобытность, о чём свидетельствуют формы лепной посуды, каменное домостроительство, а также некоторые элементы погребального ритуала – коллективные и асинхронные захоронения в склепах (катакомбах) и многочисленные сопровождающие захоронения собак и лошадей.

Отдельно рассмотрена возможность использования данной периодизации для других регионов Северного Причерноморья.

Очевидно, что рамки первого периода (Архаической Скифии) будут расширяться в сторону понижения нижней даты в зависимости от датировок наиболее ранних скифских памятников в каждом конкретном регионе – в Поднепровье, Крыму или в Подонье. При этом, как представляется, верхняя

граница периода особых возражений исследователей не вызывает.

Датировка второго периода (Классической) Скифии V–IV вв. до н. э. во всём Северном Причерноморье является общепринятой.

Существование скифских памятников III–II вв. до н. э. на просторах Северного Понта, за исключением Северо–Западного Причерноморья, а значит, и существование Скифии эпохи эллинизма, является в настоящее время предметом научной дискуссии. В этой связи остаётся заметить, что признание исследователями этого периода в истории Европейской Скифии, предполагает всесторонний анализ ранее исследованных, но неопубликованных захоронений или ошибочно датированных погребений.

Скифские памятники римского времени, или позднескифские, достаточно хорошо известны не только в Северо–Западном Причерноморье (поселение и могильник Молога II на правом берегу Днестровского лимана), но и в Нижнем Поднепровье (могильник Золотая Балка, Красномаякский могильник, и др.), а также в Крыму. В этом смысле существование позднескифского периода, охватывающего римское время в пределах I–IV вв. н. э., у исследователей сомнений не вызывает.

Заключение подводит основные итоги исследования и намечает перспективы исследования

Дальнейшими задачами исследования скифской археологической культуры Северо–Западного Причерноморья, как представляется, могли бы стать:

1) уточнение верхней хронологической границы Скифии эпохи эллинизма. Как показывают материалы из поселений Чобручи и Красное на левобережье Нижнего Днестра, греческие керамические импорты, финал этого периода может относиться и к середине I в. до н. э., и к более позднему времени;

2) изучение материалов из поселений III–II до н. э., расположенных в непосредственной близости от крупных

скифских курганных могильников того же времени (поселения Красное возле могильника у с. Глиное). Такие исследования, без сомнения, будут актуальными для понимания процессов трансформации Классической Скифии в Скифию эпохи эллинизма, а также последней в Позднюю Скифию, по меньшей мере, в Северо–Западном Причерноморье;

3) решение проблемы происхождения и этнической принадлежности носителей скифской археологической культуры в Северо–Западном Причерноморье (местное или пришлое, из восточных регионов, скифское население). Очевидно, что возможностей одной только археологической науки здесь недостаточно, подобные исследования должны включать естественнонаучные компоненты (сравнительные антропологические и генетические исследования, исследования стабильных изотопов и др.).

В настоящее время очевидно, что всестороннее изучение позднескифских памятников римского времени (типа МологаII на правом берегу Днестровского лимана) позволит создать целостную картину скифской культуры в Северном Причерноморье. В этом смысле дальнейшие исследования скифских памятников предшествующего периода (Скифии эпохи эллинизма) будут актуальными ещё длительное время.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:

Монографии

1. **Синика В. С.**, Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2013. Курганы у села Буторы (Археологические памятники Приднестровья. I). Тирасполь: Полиграфист. 148 с.
2. Кетрару Н. А., **Синика В. С.**, Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2014. Дубоссарские курганы (Археологические памятники Приднестровья. II). Тирасполь: Stratumplus. 240 с.
3. Тельнов Н. П., Четвериков И. А., **Синика В. С.**, 2016. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III). Тирасполь: Stratumplus. 1096 с.
4. **Синика В. С.**, Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2016. Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь: Полиграфист, 2016. 156 с.
5. Субботин Л. В., Разумов С. Н., **Синика В. С.**, 2017. Семёновские курганы (Археологические памятники Приднестровья. IV). Тирасполь: Stratumplus. 186 с.

Статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также из Перечня изданий МГУ

6. **Синика В. С.**, 2007. Скифский курганный могильник у пгт. Суворово на правом берегу Нижнего Днестра // Российская археология. № 4. С. 170–179. (IF 0,739)
7. Кривенко А. В., **Синика В. С.**, Тельнов Н. П. 2011. Случайные находки III–II вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра // Stratumplus. № 6. С. 41–45. (IF 0,769)
8. **Синика В. С.**, Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П., Четвериков И. А., 2012. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // Stratumplus. № 3. С. 187–215. (IF 0,769)

9. Тельнов Н. П., *Синика В. С.*, 2012. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // *Revista arheologică. S. n. Vol. VIII. Nr. 1–2. С. 69–83.*(IF 0,101)
10. Разумов С. Н., Лысенко С. Д., *Синика В. С.*, Тельнов Н. П., Четвериков И. А., 2013. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // *Stratumplus. № 2. С. 297–340.*(IF 0,769)
11. *Синика В. С.*, Меньшикова В. А., Тельнов Н. П., 2014. Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV–I вв. до н. э. // *Stratumplus. № 3. С. 65–101.* (IF 0,769)
12. Паламарчук С. В., *Синика В. С.*, 2014. Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка // *Stratumplus. № 3. С. 291–302.*(IF 0,769)
13. Тельнов Н. П., *Синика В. С.*, 2014. Скифские памятники в степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы // *Русин. № 2 (36). С. 29–54.* (IF 1,085)
14. *Синика В. С.*, Четвериков И. А., Тельнов Н. П., 2014. Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // *Revista arheologică. S. n. Vol. X. nr. 1–2. С. 210–217.* (IF 0,101)
15. Тельнов Н. П., Разумов С. Н., *Синика В. С.*, 2016. Кресальные кремни в погребальном обряде скифов (по материалам могильника у с. Глиное на Нижнем Днестре) // *Stratumplus. № 3. С. 129–141.* (IF 0,769)
16. Карнаух Е. Г., Сердюк М. И., *Синика В. С.*, 2016. Скифский клад из Дебальцево // *Stratumplus. № 3. С. 217–238.*(IF 0,769)
17. JurasA., KrzewinskaM., NikitinA., EhlerE., ChylenskiM., ŁukasikS., Krenz–NiedbalaM., *Sinika V.*, PiontekJ., IvanovaS., DabertM., GötherströmA. Diverse origin of mitochondrial lineages in Iron Age Black Sea Scythians // *Scientific Reports*7, 43950; doi: 10.1038/srep43950 (2017). (IF 4.379)

18. Панковский В. Б., **Синика В. С.**, 2017. Роговой гребень из скифского погребения у с. Глиное // *Stratumplus*. № 3. С. 343–359.(IF 0,769)
19. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2017. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре // *Stratumplus*. № 3. С. 131–152. (IF 0,769)
20. **Синика В. С.**, 2017. Новые находки предметов звериного стиля на левобережье Нижнего Днестра // *Поволжская археология*, № 3 (21). С. 141–154.(IF 0,776)
21. Разумов С. Н., **Синика В. С.**, 2017. «Новый» скифский комплекс III в. до н. э. на правобережье Нижнего Днестра // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 22. № 3. С. 6–19.(IF 0,694)
22. Łukasik S., Bijak J., Krenz–Niedbała M., Liczbinska G., **Sinika V.**, J. Piontek. Warriors Die Young: Increased Mortality in Early Adulthood of Scythians from Glinoe, Moldova, Fourth through Second Centuries BC // *Journal of Anthropological Research*. 2017. 73 (4): 584–616. (IF 1.188)
23. Фидельский С. А., Иващенко М. В., **Синика В. С.**, 2017. Амфорные клейма причерноморских центров с поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // *Stratumplus*. № 6. С. 329–346. (IF 0,769)
24. Топал Д. А., Чореф М. М., **Синика В. С.**, 2017. Клад серебряных истрийских монет из Резен // *Stratumplus*. № 3. С. 129–138. (IF 0,769)
25. Иващенко М. В., **Синика В. С.**, 2017. Амфорные клейма из Надлиманского городища // *МАИАСК*. Вып. 9. С. 484–533.(IF 0,512)
26. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2018. Перстень эллинистического времени с левобережья Нижнего Днестра // *Русин*. № 1. С. 30–45. (IF 1,085)
27. **Синика В. С.**, Чореф М. М., 2018. Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра // *КСИА*. Вып. 250. С. 336–348. (IF 0,372)

28. Фокеев М. М., *Синика В. С.*, Руссев Н. Д., 2018. Скифские курганы–кенотафы группы Воловарската Могила на левобережье Нижнего Дуная // *Stratumplus*. № 3. С. 87–102.(IF 0,769)

29. *Синика В. С.*, Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018. Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра // *Записки ИИМК РАН*. Вып. 18. С. 69–79.(IF 0,434)

30. Krzewińska M., Kilińç G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M., Nikitin A.G., Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Kraeva L.A., Sungatov F.A., Sultanova A.N., Potekhina I., Łukasik S., Krenz–Niedbała M., Dalén L., *Sinika V.*, Jakobsson M., Storå Ja., Götherström A. Ancient genomes suggest the Pontic–Caspian steppe as the source of western Iron Age Nomads // *Science Advances*. Vol. 4, no. 10, eaat4457 (2018):doi: 10.1126/sciadv.aat4457. (IF 14.136)

31. Фидельский С. А., Иващенко М. В., *Синика В. С.*, 2018. Амфорные клейма средиземноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // *Археологические вести*. Вып. 24. С. 110–124. (IF 0,521)

32. Четвериков И. А., Иващенко М. В., *Синика В. С.*, 2018. Амфорные клейма из поселения Красное // *Stratumplus*. № 6. С. 199–215.(IF 0,769)

33. *Синика В. С.*, Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Разумов С. Н. Скифский курган второй половины V в. дон. э. в Нижнем Поднестровье // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. № 1, 6–19.(IF 0,694)

34. Łukasik S., Bijak J., Krenz–Niedbała M., *Sinika V.* 2019. Black Sea steppe warriors: health status and demographic structure of the Scythians from Moldova (4th–2nd c. BC) // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 168, Is. S68, 148. (IF 2.868)

35. *Синика В. С.*, Тельнов Н. П., Разумов С. Н., 2019. Посуда фракийского облика из скифских погребений конца V – IV в. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра (по материалам раскопок 2015 г. и 2018 г.) // *Русин*. № 55. С. 18–33. (IF 1,085)

36. Бондаренко Д. В., Иващенко М. В., **Синика В. С.**, 2019. Находки амфорных клейм эллинистического времени из округа Ольвии // *Revistaarheologică. S. n. Vol. XV. nr. 1. C. 103–109.* (IF 0,101)
37. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., 2019. Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // *Stratumplus. № 3. C. 365–390.* (IF 0,769)
38. **Синика В. С.**, Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Oriental Studies. 2019. № 45 (5). C. 822–844.*(IF 0,644)
39. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2020. Чернолаковые сосуды из скифских погребений IV в. до н. э. в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок 2015, 2016 и 2018 гг.) // *Русин. № 59. C. 9–20.*(IF 1,085)
40. **Синика В. С.**, Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2020. Скифское захоронение в необычной катакомбе на Нижнем Днестре // *Stratum. № 3, C. 331–351.* (IF 0,769)
41. **Синика В. С.**, Поспешны Л., Лукасик С., 2020. Археологическое и радиоуглеродное датирование скифского могильника у с. Глиное // *Российская археология. № 3. C. 7–15.* (IF 0,739)
42. **Синика В. С.**, Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2020. Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо–Западного Причерноморья // *Revistaarheologică. S.n. Vol. XIV. Nr. 1. C. 99–107.* (IF 0,101)
43. **Синика В. С.**, Иващенко М. В., Лысенко С. Д., 2020. Случай синхронизации гераклейской и синопских клеймёных амфор в скифском погребальном комплексе IV в. до н. э. на Нижнем Днестре // *Stratum. № 6, C. 191–202.* (IF 0,769)
44. Łukasik S., Bijak Ja., Krenz–Niedbała M., **Sinika V.**, 2020. Paleodemographic analysis of age at death for a population of Black Sea Scythians: An exploration by using Bayesian methods // *American Journal of Physical Anthropology. P. 1–19.* <https://doi.org/10.1002/ajpa.24211>. (IF 2.868)

45. **Синика В. С.**, Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Загордонце О. А., 2020. Скифский курган 13 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // МАИАСП. Вып. 12. С. 345-368. (IF 0,512)

46. **Синика В. С.**, Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2021. Скифское детское захоронение с моделью меча на Нижнем Днестре // Поволжская археология. № 1. С. 23-36. (IF 0,776)

47. **Sinika V. S.**, Telnov N. P., Lysenko S. D., 2021. Scythian Burial-Mound 7 in the “Vodovod” Group in the Lower Reaches of the Dniester River // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 2021. Vol. 27. P. 111-153. (IF 0,143)

Статьи, опубликованные в журналах из перечня ВАК
Минобрнауки РФ

48. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2016. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV–III вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра // Новое прошлое. № 4. С. 258–272. (IF 0,433)

49. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2017. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология, № 8 (257), вып. 42. С. 5–12. (IF 0,194)

50. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., Загордонце О. А., 2017. Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // Самарский научный вестник. Том 6, № 2 (19). С. 108–113. (IF 0,609)

51. **Синика В. С.**, Иващенко М. В., 2017. Комплекс находок III в. до н. э. из поселения у Слободзеи // Известия Самарского научного центра РАН. Том 19. № 3. С. 223–228. (IF 0,161)

52. **Синика В. С.**, 2017. Латенская фибула из Токмазеи // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. № 2. С. 111–115. (IF 0,181)

53. **Синика В. С.**, 2017. Новый памятник III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижневартковского государственного университета. № 2. С. 122–129. (IF 0,390)

54. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2017. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // Новое прошлое. № 4. С. 286–306. (IF 0,433)
55. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2018. Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо–Западного Причерноморья // Самарский научный вестник. Том 7, № 1 (22). С. 133–144. (IF 0,609)
56. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижневартковского государственного университета. № 1. С. 111–119. (IF 0,390)
57. **Синика В. С.**, Загордонцев О. А., 2018. Раковины из скифских погребений Северо–Западного Причерноморья // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Том 28, № 1. С. 81–87. (IF 0,211)
58. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018. Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // Известия Самарского научного центра РАН. Том 20. № 3. С. 234–244. (IF 0,161)
59. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018. Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. № 1. С. 125–138. (IF 0,181)
60. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 2. С. 78–93. (IF 0,430)
61. **Синика В. С.**, Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2020. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 64–101. (IF 0,438)

Иные статьи в российских и зарубежных изданиях

62. Yarovoy E. V., Chetverikov I. A., *Sinika V. S.*, 2000. The barrow cemetery of late scythian time on the territory along the Dniester River // Funeral practices as forms of cultural identity (bronze and iron ages). Tulcea: Editura Institutului de Cercetări Eco-Muzeale. P. 77–79.

63. *Синика В. С.*, Алемша А. Н., 2000. Женские погребения с оружием позднескифского могильника у с. Глиное //

Чобручский археологический комплекс древней культуры Поднепровья (материалы полевого семинара) / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: ПГУ. С. 43–46.

64. *Синика В. С.*, 2002. Ритуальная плита как элемент скифской погребальной обрядности (по материалам курганных памятников Северо-Западного Причерноморья) //

Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и в Средние века. Мат–лы X междунар. науч. конф. 29 мая– 3 июня 2001 г. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов–на–Дону: Ростовский педагогический университет. С. 85–87.

65. Четвериков И. А., *Синика В. С.*, 2002. Катакомбы II типа в Тираспольской группы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.– V век н. э.). Мат–лы III Междунар. конф., г. Тирасполь, 5–8 ноября 2002 г. / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: Типар. С. 299–305.

66. *Синика В. С.*, 2003. О культе собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI–II вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо–античное время. Рез. докл. XI междунар. науч. конф. (31 мая – 5 июня 2003 г.) / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов–на–Дону: Ростовский педагогический университет. С. 23.

67. *Синика В. С.*, 2004. К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат–лы II Судакской междунар. науч. конф. (12–16 сентября 2004 г.). Ч. I / Отв. ред. Н. М. Куковальская). Киев – Судак. Академперіодика. С. 110–113.

68. *Синика В. С.*, 2004. Конь в погребальном обряде на могильнике позднескифского времени у с. Глиное // ССПіК. Мат–ли конф. «ПроблемискіфосарматськоїархеологіїПівнічногоПричорномор'я» (до 105–річчя з дня народження Б. М. Гракова). XI. С. 237–239.

69. *Синика В. С.*, 2004. Артефакт с зооморфным навершием из кургана 31 могильника позднескифского времени у с. Глиное // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Мат–лы тематич. науч. конф. (Санкт–Петербург, 1–4 декабря 2004 г.) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: СПбГУ. С. 138–142.

70. Фидельский С. А., *Синика В. С.*, 2005. Новые находки терракотовых статуэток Кибелы в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок на многослойном поселении Чобручи // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Символика. С. 281–286.

71. *Синика В. С.*, 2006. О культуре собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI–II вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо–античное время. Сб. статей по мат–лам XI Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов–на–Дону: Ростовский педагогический университет. С. 58–60.

72. *Синика В. С.*, 2006. Собака в погребальном обряде варварского населения Северного Причерноморья в скифо–сарматское время // Археологическое изучение Центральной России. Тез. междунар. науч. конф., посвящ. 100–летию со дня рожд. В. П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.) / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет. С. 219–222.

73. Четвериков И. А., *Синика В. С.*, 2009. Скифский курган конца III в. до н. э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // ССПіК. Мат–ликонф. «Проблеми скіфо–сарматськоїархеологіїПівнічного Причорномор'я» (до 110–річчя з дня народження Б. М. Гракова). XV. С. 204–212.

74. *Синика В. С.*, 2011. К вопросу о семантике конских погребений на скифском могильнике III–II вв. до н. э. у с.

Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Археологія і давня історія України. Вип. 5. Археологія: від джерел до реконструкцій / Відп. ред. В. В. Отрощенко. Київ: ІА НАНУ. С. 119–124.

75. **Синика В. С.**, 2011. О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Древность: историческое знание и специфика источника. Мат–лымеждународ. науч. конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского (Москва, 12–14 декабря 2011 г.). Вып. V / Отв. ред. А. С. Балахванцев, Г. Ю. Колганова. М.: ИВРАН. С. 184–187.

76. **Синика В. С.**, 2012. О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А. А. Пригарин. Одесса: Смил. С. 264–272.

77. Тельнов Н. П., Четвериков И. А., **Синика В. С.**, 2012. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Мат–лыМеждународ. науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: ПГУ. С. 5–15.

78. Тельнов Н. П., **Синика В. С.**, 2014. Миски из скифских погребальных памятниковконца IV–II в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // *Tyragetia*. S. n. Vol. VIII (XXIII), nr. 1. С. 287–316.

79. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2014. Скифские жилища IV–II вв. до н. э. в Северном Причерноморье // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (13). Археологія: можливості реконструкцій / Гол. ред. С. А. Скорий. Київ: ІА НАНУ. С. 18–36.

80. Тельнов Н. П., **Синика В. С.**, 2014. Зеркала из позднескифского могильника конца IV–II в. до н. э. у с. Глиное

на левобережье Нижнего Днестра // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье. Мат–лыМеждунар. археологич. конф. (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар: Традиция. С. 239–249.

81. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2015. Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV–II вв. до н. э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье // Война и военное дело в скифо–сарматском мире. Мат–лыМеждунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов–на–Дону: ЮНЦ РАН. С. 180–190.

82. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2015. Светильники в погребальном обряде скифов Северного Причерноморья // *Tyragetia*. S. n. Vol. IX (XXIV), nr. 1. С. 183–208.

83. **Синика В. С.**, Разумов С. Н., Лысенко С. Д. Тельнов Н. П., 2015. Курганная группа «Спутник» у с. Ближний Хутор на левобережье Нижнего Днестра // МАСП. Вып. 13. С. 164–194.

84. **Синика В. С.**, 2015. Металлические колёсики из скифских памятников Северного Причерноморья IV в. до н.э. // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Мат–лыМеждунар. археологич. конф. (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.) / Отв. ред. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: Вика–Принт. С. 243–251.

85. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., 2016. Скифское погребение с литиком–скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра // Стародавнє Причорномор'я. Вип. XI / Голов. ред. І. В. Немченко. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. С. 488–499.

86. Тельнов Н. П., **Синика В. С.**, 2016. Конское снаряжение из скифского могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // *Culturi, Procese și Contexte în Arheologie. Volum omagial Oleg Levițki la 60 de ani* / Editori L. Sirbu, N. Telnov, L. Ciobanu, Gh. Sirbu, M. Kașuba. Chișinău: Centrul de Arheologie al Inst. Patrimoniului Cultural, Acad. de Știința a Moldovei. С. 294–309.

87. Łukasik S., Liczbińska G., Krenz–Niedbała M., *Sinika V.*, Piontek J., 2016. Black Sea steppe warriors: biodemography of the Scythians from Moldova (4th–2nd c. BC) // European Anthropology in a Changing World: From Culture to Global Biology. 20th Congress of the European Anthropological Association (Zagreb, Croatia 24th–28th August 2016). Zagreb: Institute for Anthropological Research. P. 19–20.

88. *Синика В. С.*, Тельнов Н. П., 2016. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // Емінак. № 4 [16]. С. 45–53.

89. *Синика В. С.*, Тельнов Н. П., 2016. Крестовидные крючки–застёжки из скифских памятников Северного Причерноморья // Археологія та етнологія півдня Східної Європи / Відп. ред. З.П. Маріна. Дніпро: Ліра. С. 304–316.

90. *Sinika V. S.*, Lysenko S. D., Telnov N. P., 2017. Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the «Garden» group on the Left Bank of the Lower Dniester // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 4 (2), P. 156–173.

91. *Синика В. С.*, Тельнов Н. П., 2018. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное // Древности. Исследования и проблемы. Сб. статей в честь 70–летия Н.П. Тельнова / Отв. ред. В. С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинёв: Stratumplus. С. 223–266.

92. *Синика В. С.*, Тельнов Н. П., 2018. Фракийские украшения и аксессуары костюма из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра (находки 2016–2017 гг.) // Народы и культуры Нижнего Дуная в древности. Мат–лы Междунар. научно–практич. конф. (г. Измаил, 23–26 августа 2018 г.) / Отв. ред. И.В. Бруяко. Измаил: Ирбис. С. 163–179.

93. *Синика В. С.*, Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., 2019. Скифский курган 9 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра с литиком «монетного» типа // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сб. науч. трудов, посвящ. 70–летию проф. В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н.

Коваленко. Ростов–на–Дону: Южный Федеральный университет, 2018. С. 166–176.

94. **Синика В. С.**, Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Разумов С. Н., 2019. Скифское захоронение в нестандартной позе на левобережье Нижнего Днестра // *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato–danubiano–pontic. In honorem professoris Ion Niculiță natalis a octogesima celebrantis* / Editori. A. Zănoși, M. Băț. Chișinău: Cartdidact. С. 281–295.

95. **Синика В. С.**, 2019. Новые данные об обряде захоронения собак в скифских курганах Северо–Западного Причерноморья // *Биоархеологические и этнокультурные исследования в юго–восточной Европе. Научная междунар. конф. (Крихана Веке, 15–18 августа 2019 г.)* / Coord. A. Simalcsik, I. Ciobanu. Кагул: Vons Offices. С. 51–53.

96. **Синика В. С.**, Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., 2020. Скифский курган 12 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // *Forum Olbicum III: до 70–річчя з дня народження В. В. Крапівіної, 4–6 травня 2020 р. Мат–ліміжнародна археол. конф.* / Ред. кол. Н. А. Гаврилюк та ін. Миколаїв: НДЦ «Лукомор'є». С. 141–143.

97. **Синика В. С.**, Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2020. Скифские курганы 18 и 19 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // *Емінак. № 1 [29].* С. 392–406.

98. **Синика В. С.**, Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2020. Скифская гробница с мечом типа Солоха на Нижнем Днестре // *Journal of Archaeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies. 2020, № 2.* С. 165–202.

99. **Sinika V. S.**, Lysenko S. D., Razumov S. N., Telnov N. P., 2020. Barrow 17 of the “Sluiceway” Group in the Lower Dniester and “Empty” Scythian Kurgans of the North Black Sea Region // *Mousaios. XXIII, Proceedings of the 18th International Colloquium of Funerary Archaeology “Bronze and Iron Ages in Eurasia: Rituals and Grave Goods as Possible Markers of the Social Identity of the Dead”, 17th–20th of October 2019* / Ed. S. Matei. P. 261–273.

100. *Sinika V. S.*, Telnov N. P., Lysenko S. D., Razumov S. N., 2021. Scythian barrow 12 of the “Sluiceway” Group in the Lower Dniester // *Емінак* (1 [33]). Київ-Миколаїв, 2021. С. 253-267.

101. *Синика В. С.*, Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., 2021. Скифский курган 13 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // *Уфимский археологический вестник*. Т. 21. № 1. С. 145-159.

102. *Синика В. С.*, Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., 2021. Курган 16 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Tyragetia*. Vol. XV [XXX], nr. 1. 2021. С. 239-296.

103. *Синика В. С.*, Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2021. Скифские погребения в курганах группы «Плавни» на Нижнем Днестре // *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies*. № 3. С. 221-242.